

ГЕНЕРАЛ СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ

Победы, эмиграция, возвращение

XX военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Военные тайны XX века

Олег Смыслов

**Генерал Слащев-Крымский.
Победы, эмиграция, возвращение**

«ВЕЧЕ»

2015

Смыслов О. С.

Генерал Слащев-Крымский. Победы, эмиграция, возвращение /
О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Военные тайны XX века)

Судьба генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащёва удивительна даже для большинства участников Гражданской войны в России. Начав службу гвардейским офицером, Слащёв отличился в годы Первой мировой войны, а Гражданскую войну закончил корпусным командиром. Оказавшись в эмиграции, генерал Слащёв многое переосмыслил в своей жизни, результатом чего стало его возвращение в Советскую Россию и служба в Рабоче-крестьянской Красной армии. Личность генерала Слащёва была настолько ярка, что стала прототипом генерала Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег». В своей новой книге О. С. Смыслов рассказывает о непростой судьбе белого генерала, вернувшегося в Советскую Россию, и об обстоятельствах его таинственного убийства.

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая	9
1	9
2	11
3	12
4	13
5	17
6	19
Глава вторая	21
1	21
2	24
3	26
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

О. С. Смыслов
Генерал Слащев-Крымский.
Победы, эмиграция, возвращение

© Смыслов О. С., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Городу-герою Керчи, где есть улица Курсантов, посвящаю...

От автора

Его жизнь не просто заинтересовала меня, как обычно интересуют нас невероятно удивительные истории. Она показалась мне необычайно яркой, несказанно честной, храброй, мужественной и поучительно трагичной. Непросто найти вторую такую среди биографий военачальников Белой армии. Яков Александрович Слащёв-Крымский был среди них самой настоящей «белой вороной». Как потомственный русский дворянин, он любил военное дело больше всего на свете. Для него профессия защищать своё Отечество всегда стояла на самом первом месте. В таких исключительных умах и характерах выбора не существует. И он посвятил себя этому делу до конца, как в таких случаях говорят, без остатка. Более того, своими манерами и поведением Яков Александрович в некотором роде весьма походил на знаменитых русских генералов, таких как Денис Давыдов и Михаил Скобелев. Общего действительно много, но, к сожалению, военному таланту Слащёва раскрыться, в полном смысле этого слова, так и не довелось. Увы, виной тому были всего лишь обстоятельства, которые, как мы знаем, нередко бывают выше нас.

При жизни его называли по-разному: и «генералом Яшей», и «Слащёвым-Крымским», и «Слащёвым-вешателем», и «генералом-предателем крымским», и «товарищем Слащёвым». Где была правда, а где ложь, я и попытался разобраться, пройдя сквозь огромное количество весьма увлекательного материала. Безусловно, прежде всего документального. Написанного о Слащёве оказалось вполне достаточно, чтобы прояснить многое из короткой жизни белого генерала. Талантливый от Бога Яков Александрович и сам находил время писать, что, несомненно, у него получалось. Не зря же говорят, талантливый человек – талантлив во всём! Это касается и моего героя. Он действительно был одарён многими талантами. Но в отечественной истории остался прежде всего за одну из своих главных военных заслуг – защиту белого Крыма.

Правильное написание фамилии Якова Александровича – «Слащёв» или «Слащов», как это встречается у самых разных авторов статей, публикаций и книг, заставило меня поинтересоваться и этим вопросом. К слову сказать, фамилия «Слащёв» образована от прозвища «Слащ», которое восходит к прилагательному «сластный», что в старину имело значение «чувственный, сладострастный». Как считают специалисты, прозвище «Слащ» указывало на особенности характера человека.

С другой точки зрения, его мог получить сладкоречивый человек, льстец. В псковских же говорах такое прозвище обычно давали пряничнику, разносчику сладостей. В 40 % фамилия Слащёв имеет чисто русское произношение. Точное написание фамилии нашего героя всё-таки через «ё», то есть «Слащёв». Это правильно прежде всего и по правилам русского языка, и по дошедшим до нас историческим документам. Сам Яков Александрович Слащёв свою собственную фамилию так и писал через «ё». А писал он разборчиво и достаточно аккуратно. Личный автограф генерала подтверждает это. На первой книге Слащёва «Ночные действия», изданной в 1913 году, также можно увидеть букву «ё», как и на изданной в 1921 году в Константинополе брошюре «Требую суда общества и гласности». То есть сам Яков Александрович писал свою фамилию правильно, через «ё».

Пролог

В здание Всероссийской Чрезвычайной комиссии на Лубянке, которое в народе прозвали «Госужасом», генерала Слащёва привезли на автомобиле 10 ноября 1921 года. В этот день, как отметит очевидец, погода стояла хорошая, сухая, ровная, с морозами до 6 градусов. Надо сказать, что привезли его не как арестованного, а скорее как гостя, добровольно вернувшегося из заграницы.

Якова Александровича проводили по длинному коридору в один из просторных кабинетов, где его ожидали люди, с любовью названные великим пролетарским писателем Максимом Горьким «чертями драповыми». (Стены дома, где размещалась ВЧК, были облицованы чёрным лабрадором). Удобно расположившись напротив необычно вежливых чекистов, белогвардейский генерал закурил папиросу и согласился на чай. Разговор был спокойным и неторопливым. Нетрудно было заметить даже самым невооружённым глазом, что здесь никто никуда не спешит. Беседа, несколько напоминающая допрос, на самом деле таковой не была.

– Каково ваше отношение к советской власти? – задаётся вопрос из серии тех, что готовятся обычно заранее.

– Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом, отношусь к советской власти, как к лицам, представляющим мою Родину, как к лицам, представляющим интересы народа, потому что побеждают все нарождающиеся против них движения и, следовательно, удовлетворяют идеям большинства. Как военный ни в одной партии не состою, но служу своему народу и с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству.

– Что побудило вас приехать?

– Вышеуказанное желание работать на свой народ, предложение Советского правительства через Яна Петровича Ельского и нежелание работать на пользу Англии и Франции.

Допив чай, Яков Александрович рассказал чекистам про общее положение Добровольческой армии и кратко коснулся её численности. Без труда назвал места расположения её частей. Дал ёмкие характеристики руководителям армии:

«Врангель – честолюбив, властолюбив, хитёр и в душе предатель, но самый умник из оставшихся там генералов – ещё могу добавить: продажен и любит (очень умно) присвоить чёрную собственность себе на благо.

Кутепов – отличный строевик – фельдфебель – годится на должность до командира батальона – всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле не стоит ничего.

Шатилов – (начштабглав) – военная бездарность и вор.

Барбович – насколько знаю, человек честный, по образованию мало.

Богаевский (Донской атаман) умница, нерешителен, великолепный кабинетный работник.

Тундутов (Астраханский атаман) – авантюрист, хитрый и смелый, может идти на шантаж, свойственный Врангелю.

Витковский (занимает разные должности и служит помощником Кутепова) – не опасен, очень глуп...»

Вполне логично следует и такой вопрос чекиста:

– Каково настроение офицеров и солдат Добровольческой армии?

– 80 процентов желают вернуться домой, но боятся, – не раздумывая, отвечает белый генерал. – 100 процентов ненавидят Англию и Францию.

– Отношение к Добровольческой армии Англии и Франции?

– Желание использовать как наёмную силу, – звучит твёрдый голос Слащёва.

– Средства существования Добровольческой армии?

– Не знаю. Генерал Врангель через меня получил от Деникина 50 миллионов золотом. Дальнейших дел не знаю. Сейчас платят офицеру 2 лиры, а солдату одну лиру в месяц.

– Планы союзников по отношению к Добровольческой армии?

– Как докладывал, использовать в свою пользу.

– Каковы планы Врангеля для различных белых организаций?

– За счёт будущих благодеяний в России получить от союзников деньги, устроить через подкупных лиц в России смуту и в момент анархии явиться в Россию с организованной Добровольческой армией.

О предложениях, полученных от Антанты, монархических организаций и генерала Шкуро, Слащёв рассказывает достаточно подробно. Чекистов это интересует особенно.

Характеризуя русских эмигрантов в Константинополе, он, как всегда, чужд всяким сантиментам:

– Много мерзавцев и пьяниц – надо делать персональный выбор.

И вот, наконец, наступает кульминация беседы:

– Каково ваше отношение к возможным предложениям Антанты или белых организаций?

– Обо всём предложенном мне доложу правительству. Прошу иметь в виду, что я не изменник, не перебежчик, а я человек, открыто вышедший в отставку и имеющий право поступить на ту службу, к которой влечёт его сердце. Но, поступив на службу, я за свою верность ручаюсь своей честью.

– Ваши предложения относительно дальнейшей службы?

– Прошу строевой должности, даю слово служить честно!

Именно в этот день, 10 ноября 1921 г., во всех советских газетах было напечатано правительственное сообщение о прибытии из Константинополя тайно от барона Врангеля в советскую Россию генералов Слащёва и Мильковского и штаб-офицеров Гильбиха, Мезерницкого и Войнаховского. Как отметит в своём дневнике Н. П. Окунёв, «это маленькое происшествие Стеклов уже поторопился назвать «прозрением». Это, дескать, «толчок, который приведёт в движение не одну совесть. Психологически массы не только рядовых воинов, но и офицеров-белогвардейцев подготовлены, – говорит Стеклов, – к разрыву со своим мрачным прошлым»».

Глава первая

Москва, курсы «выстрел», 1920-е годы

1

Яков Александрович и сегодня читал лекцию, практически не заглядывая в её написанный текст:

– Первое. Рецепта для победы дать нельзя, но указать основы, способствующие победе, можно. Второе. Побеждает сильнейший.

Третье. Всюду сильным быть нельзя – надо уметь распределять свои силы. Четвёртое. Сильным надо быть в районе больном для противника, то есть там, где наша победа отразится скорее, чем успех противника в другом месте. Пятое. Только маневр во всех частях может дать это превосходство сил. Шестое. Человек размещается и действует сообразно свойствам той машины боя, которой он вооружён, и превосходство сил измеряется не только кулаками (штыками), а машинами и готовностью к борьбе данных бойцов. Седьмое. Маневрируют не только людьми, но и огнём. Восьмое. Атака механизированных частей не может производиться валовым способом, а должна откусывать окоп за окопом, сосредотачивая каждый раз (против каждого окопа) превосходные силы. Девятое. Знать место огневых точек противника заранее никто не может – их места расположения рота узнает, только вызвав огонь своим наступлением. Поэтому комроты может поставить своим взводам задачу об атаке (не о наступлении), только показав им окоп для этой атаки, то есть раньше рассмотрев его сам. Десятое. Оборона может быть только временным средством. И, последнее, что необходимо вам зазубрить себе на носу. Современные машины настолько сильны, что они в мелких частях сильнее кулаков (штыков), и каждому командиру надо произвести строгую оценку: что лучше – огонь его резерва (поддержки) или его контратака?

После этих слов преподаватель тактики сделал небольшую паузу. Внимательно осмотрел слушателей и, улыбнувшись, сказал:

– Все успевают? Или кто-то ещё ленты к пулемёту подносит? Не забывают, товарищи, что вы приехали сюда учиться военному делу. И если вы будете познавать это дело медленнее, чем вам это положено, то сами понимаете, – Слащёв развёл руками, – ваши знания не сильно пополнятся необходимой для вас теорией. А теперь продолжим.

Во все времена военная мысль и ставящие ей требования стремились к созданию какого-то рецепта для одержания победы. Даже такой великий практик и теоретик военного дела, как Наполеон, не раз говорил – «Когда у меня будет время – я опишу способы одержания победы – и всем потом это будет просто делать».

Я назвал, между прочим, Наполеона и великим теоретиком военного дела (о его практике, думаю, никто спорить не будет) именно потому, что он все свои решения строил на опыте военной истории. Он сумел использовать все тактические приёмы, выдвинутые революцией, подведя под них научный, теоретический фундамент, взятый им из военной истории, и этим путём создать свою великую тактику, разбившую лучшие армии того времени, действовавшие своим устаревшим способом, не соответствующим идее вооружённого народа. Как личность выдающаяся, выдвинутая армией революционной буржуазии Франции, он сумел, впитав в себя её соки, претворить и систематизировать эти соки, дав величайшие образцы военного искусства. Это является одним из образцов значения личности в истории, т. е. сам продукт среды и сам в дальнейшем влияющий на неё.

Если мы проследим военную историю, дошедшую до нас, то мы увидим, что все «законодатели» военного дела, если можно так выразиться, всюду и везде (во все времена) создавали одно положение: сильнейший бьёт слабейшего. Это есть основной принцип военного искусства (прошу прощение за немодное выражение), происходящий от «интегрального полководца» до рядового красноармейца.

Не думаю, чтобы кто-нибудь стал со мной спорить о том, что сильнейший побьёт слабейшего, в особенности после того, как я расшифрую это понятие – в него входит вся сила, то есть человек с его настроением, обучение и те машины, которыми он руководит, – число людей во всей военной истории и практике последнего времени являлось величиной переменной.

Чем же создавалась эта величина? – Тем орудием смерти противника, которое было в руках бойцов и всей армии: когда-то строили бойцов на месте удара в 48 шеренг взамен 12 остального строя, потому что сила была в непосредственной свалке – результат – победа. Когда-то сосредотачивали огромное большинство артиллерии в одном месте (удара), потому что она стреляла от 500 до 1000 шагов, и этим шквалом огня ломали противника, когда-то шли колоннами в одном месте, предоставляя остальное малодействительным тогда стрелкам. Все силы сосредотачивались туда, где можно было достигнуть наибольшего успеха, сделавшего больно противнику. Результат – победа. Этим вырисовывался второй принцип военного искусства, то есть сильнейший бьёт слабейшего, но так как сильным всюду быть нельзя, то надо быть сильным там, где нам выгодно (где больно противнику), и там развить свой успех, то есть принцип частной победы.

Теперь спросим себя, что даёт нам это сосредоточивание сил в нужном месте – ясно передвижение людских и огневых сил туда, куда нам нужно, – то есть МАНЕВР.

Преподаватель тактики курсов «Выстрел» товарищ Слащёв военную форму любил, потому что, как говорится в народе, он в ней родился. Слушатели курсов не могли этого не заметить. На лекции, семинары и занятия он всегда приходил «с иголки»: суконная рубаха из тёмно-серого мундирного сукна была чистенькой и отглаженной, точно такой же парадный вид имели и шаровары тёмно-синего цвета, блестели начищенные сапоги. Сам Яков Александрович был всегда подтянут, форма сидела на нём как влитая. Однако один «недостаток» всё же был: на суконных петлицах (малиновых с чёрной окантовкой), аккуратно пришитых на воротнике рубахи, располагалось по два красно-эмалевых прямоугольника, или по две «шпалы», что соответствовало тогда должностному положению помощника командира полка или командира отдельного батальона (К-8, восьмая категория старшего командного состава РККА из 14-ти «служебных категорий»). Как известно, Яков Александрович в Белой армии имел чин генерал-лейтенанта.

2

18 ноября 1921 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено и утверждено предварительное заключение Л. Д. Троцкого и И. С. Уншлихта по вопросу дальнейшего поведения в отношении Слащёва и его группы:

«Предлагаем:

1) Копии показаний прислать Троцкому и Чичерину, дабы эти показания могли быть изучены с точек зрения военной и дипломатической и дабы заинтересованные ведомства могли поставить ряд дополнительных вопросов перед ВЧК.

2) ВЧК по соглашению с военным ведомством и Наркоминделом (тройка – т.т. Уншлихт, Троцкий, Чичерин) составляет в кратчайший срок сообщение о возвращении группы Слащёва с точными цитатами из показаний Слащова и других о причинах этого возвращения.

3) Одновременно слащовцы составляют воззвание к остаткам белых армий за границей. Воззвание это, просмотренное той же тройкой, публикуется одновременно с сообщением о прибытии группы или немедленно же на следующий день.

4) Ввиду заключающихся в показаниях Слащова ссылок на сравнительно недавние военные предложения агентов Англии и Франции, направленные против Советской России, необходимо отобразить на основании вопросов, сформулированных Наркоминделом, точные показания от Слащова и других, как материал для дипломатической ноты.

5) Ввиду настаивания Слащова и других на предоставлении им военных должностей, преимущественно строевых, ответить им, что военное ведомство несомненно рассчитывает приобрести в их лице ценных работников, но что окончательное определение характера работы сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймёт мотивы, вообще освоится с этим фактом.

6) Тем временем главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией. Ввиду того, что мемуары эти обещают дать ценный политический, военный и бытовой материал, предоставить надобности в распоряжение группы Слащова надёжных стенографов, которые облегчили бы работу, и назначить для редактирования и вообще для руководства этой работой определённого товарища литератора.

7) До написания этих мемуаров рекомендовать группе Слащова воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались. Указать Слащову и другим на большую политическую важность мемуаров.

8) Поддержать инициативу Слащова в отношении вызова других бывших врангелевцев в Советскую Россию, оказав необходимое содействие».

3

Жизнь Якова Александровича в «Совдепии», как пренебрежительно называли большевистскую Россию в эмиграции, не была счастливой... Нелегал в ВЧК (по заданию белого генерала Алексеева) действительный статский советник, военный контрразведчик Владимир Орлов о Слащёве рассказывал следующее:

«В Москве Слащёва поселили на Садовой, в доме Шустова. Вход был со двора, и окна тоже выходили во двор. В квартире имелись две смежные комнаты и кухня. В третьей комнате жил чекист, верхний этаж был передан старым сотрудникам спецотдела ОГПУ.

У Слащёва был телефон. Прослушивать телефон гораздо удобнее, чем просматривать корреспонденцию. Повар-латыш, который готовил для него, заодно просматривал все письма и фиксировал приходы посетителей, а живший по соседству чекист следил за Слащёвым и днём и ночью, что было источником постоянного унижения. Слащёв уже не был генералом...

Слащёв очень любил животных и в Москве целые дни проводил с соловьем, лишившимся лапки, курицей и воробьем. На лекциях по стратегии, которые Слащёв читал в стрелковом училище, его встречали криками и свистом. Некоторые слушатели в Академии Генерального штаба звали Слащёва «палачом». И даже дома ему не было покоя. Ему постоянно досаждали беспризорники. Однажды в его окно влетел камень, в другой раз на него обрушился целый поток оскорблений и насмешек.

Иногда опрокидывали самовар, а в крупу подмешивали мел.

Однажды Слащёв выбежал из дома с кухонным ножом и скрылся за углом. Через несколько минут он вернулся в комнату с окровавленными руками, глаза его были полны ужаса.

«Эти скоты, – запинаясь, проговорил Слащёв, – пустили в комнату кошку. Она сожрала соловья и загрызла воробья. Всё это подстроено специально, чтобы досадить мне! Здесь всегда так! Своими преследованиями они хотят свести меня в могилу! Будь проклята эта чёртова дыра!»».

Нетрудно заметить, что в этом коротком рассказе переплелись и правда, и вымысел. Можно лишь предположить, откуда господин Орлов взял все перечисленные им случаи. Видимо, из обыкновенных пересказов, которые, пройдя через вторые или третьи руки, обычно превращаются в сплетни.

В ноябре 1921 г. Слащёва действительно поселили на Большой Садовой. Впоследствии (с 1922 г.) он проживал по адресу: Москва, Лефортово, Красноказарменная улица, дом 3. В доме преподавателей курсов «Выстрел». И, надо сказать, что в первые годы пребывания в Москве у Якова Александровича складывалось всё не так плохо, как об этом говорил Орлов. Просто тогда он был сильно нужен новой власти. Как считает А. Пронин, «эффект отъезда Слащова в Советскую Россию, который Лубянка ныне числит в золотом фонде проведённых её спецопераций, оказался потрясающим». По словам писателя А. Слободского, он «всколыхнул, буквально сверху донизу, всю русскую эмиграцию». За ним последовало возвращение на Родину ряда деятелей отечественной культуры, например, Алексея Толстого (1923 год). Но ещё более сильным оказался военно-политический выигрыш. По оценке французской разведки, «переход Слащова на сторону Красной армии нанёс тяжёлый удар по моральному состоянию русских офицеров... Это неожиданная перемена со стороны боевого генерала... авторитет которого имел большой престиж... внесла большое смятение в дух непримиримости, который до сих пор доминировал среди офицеров и солдат Белой армии».

4

С новыми силами, с новыми надеждами Яков Александрович жадно хватается за работу. «Слащёв работает, и как работает! – пишет Д. Мельник. – Помимо лекций он успевает ещё выступать с докладами, публиковать воспоминания и статьи по тактике, а его жена Нина Нечволодова-Слащёва, верный его помощник ещё в войну, организует в «Выстреле» любительский театр. К ним в общежитие после занятий каждый раз приходят преподаватели и слушатели. Это понятно: Слащёв прекрасный педагог, ещё будучи двадцатипятилетним поручиком, он уже преподавал в элитном Пажеском корпусе в Петербурге».

Очень много статей Слащёва было опубликовано в 1922 году. Например, в «Военном вестнике» в № 9, 10, 11, 12, 13 – «Операции белых, Петлюры и Махно на южной Украине в последней четверти 1919 года». В журнале «Военное дело» (№ 14, 1922 г.) – «Действия авангарда во встречном бою». В этом же журнале в № 15–16 – «Прорыв и охват (обхват)» и «Вопросы полевого устава». В № 17–18 – «Значение укрепленных полос в современной войне».

В 1924 году из-под пера Слащёва выходит книга, так необходимая новой власти: «Крым в 1920 году: Отрывки из воспоминаний». В следующем году Яков Александрович снимается в Крыму в кинофильме «Врангель» (фильм не увидел свет), которое ставило акционерное общество «Пролетарское кино». Играл он, естественно, самого себя: Я. А. Слащёва-Крымского, генерал-лейтенанта, командующего 3-м армейским корпусом, упорно оборонявшим последний оплот Белого движения на юге России.

В 1926 году в журнале «Выстрел» № 3, 1926 г. выходит его статья «Маневр как залог победы». В этом же году брошюра под названием «Период Врангеля. Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях». В 1927-м в журнале «Война и революция» № 6 ещё одна интереснейшая статья – «Борьба с десантами».

А как он преподавал в эти годы! «Особое удовольствие доставляли Слащёву разборки проведённых им сражений, – подчёркивает А. Хинштейн. – В эти часы он точно преображался, сбрасывал с себя груз прожитых лет и вновь становился прежним Слащёвым-Крымским, не стесняющимся в словах и выражениях.

«Преподавал он блестяще, – вспоминал слушатель школы Батов, ставший впоследствии крупным советским военачальником, – на лекциях народу было полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск»».

Чтобы оценить личность Слащёва как преподавателя, стоит немного отвлечься, но исключительно в пределах той эпохи. Например, дочь маршала Конева, Нина Ивановна, в своей книге об отце пишет:

«В 1925–1926 годах отец находился на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии РККА (сокращённо КУВНАС). Название «курсы» выглядит на первый взгляд как-то облегчённо, но когда я внимательно изучила конспекты отца, тезисы записанных им лекций, развёрнутые планы семинарских занятий, разного рода академические документы, то испытала удивление: «красные командиры» получали весьма концентрированные и многосторонние знания. Меня восхитили обзоры по истории и теории военного искусства, например, анализ целей войны по трудам Верди дю Верну а, сопоставление стратегических воззрений прусского военного теоретика фон Бюлова и генерал-фельдмаршала Мольтке.

С тех времён в архиве отца сохранились емкие записи лекций знаменитых военных профессионалов, которые учили молодых командиров. Они были благодарной аудиторией: какое

погружение в материал, какая искренняя влюблённость в знание, заинтересованность в деталях и жажда уловить оттенки смыслов в речах образованных наставников!

Профессор Верховский в лекциях о механизмах управления войсками предлагал вниманию слушателей сопоставления с методами управления большим производством, скажем, в США, и советовал задуматься об инициативе и самостоятельности исполнителей, описанных в книге автомагната Форда «Моя жизнь».

Некоторые мысли учителей в записях отца выделены. Обладая опытом участия в мировой и Гражданской войнах, он осознал значение руководства войсками в современном мире как искусство. Стратегический талант, разумеется с его точки зрения, – это дар, который преподносит судьба, но важна и доктрина, которая требует для её постижения интеллектуальных затрат.

Теория не должна быть застывшей догмой: помня о походах Юлия Цезаря, карфагенских войнах и наполеоновских сражениях, необходимо развивать военное искусство с учётом требований времени. Чувство новизны было присуще отцу в полной мере. В тетрадах выделены суждения профессора А. Свечина о том, что «стратегическая доктрина должна быть гибкой, а не представлять жесткое учение». «*Est modus in rebus*» («всё имеет свою меру», по словам Горация). Мы должны искать модус в обстоятельствах данной войны, а не выходить с заготовленным на все случаи модусом».

Сохранился текст воспоминаний отца об учёбе на КУВНАСе, в котором ощущается гордость за то, что молодые командиры были приобщены к учёности, носителями которой были люди, сформированные предшествующей эпохой российской истории. Они получили возможность соприкоснуться с традицией служения Отечеству, взращённой опытом многих поколений русских офицеров».

Любопытно, что, несмотря на приобщение к учёности, соприкосновения с традицией служения Отечеству, на курсах и в академиях Красной армии случались и конфузы. Всё-таки нельзя не учитывать одно весьма важное обстоятельство: преподавали бывшие царские офицеры, а учились вчерашние крестьяне. Один из таких произошёл на занятиях знаменитого А. А. Свечина. Об этом написала правнучка знаменитого начдива Евгения Чапаева:

«Военную историю им преподавал старый царский генерал А. А. Свечин. Предмет он знал конечно же безукоризненно, учил слушателей очень хорошо. Это был один из тех военных специалистов, кто трезво оценивал обстановку в России и поставил себя на службу той настоящей родине, за которую воевал народ. Но у него имелся один «пунктик». Каждый раз, когда речь заходила о каком-нибудь историческом событии, связанным с революционным выступлением масс, он неизменно именовал действия народа «разбойными акциями». А Парижскую коммуны именовал «скопищем бандитов». Короче, все сто двадцать красных «академистов» каждый раз устраивали Свечину обструкцию. Особенно был зол на него Чапаев.

И вот однажды на занятиях А. А. Свечин предложил Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска Ганибалла наголову разгромили чуть ли не вдвое превосходящие их по численности римские войска, показали классический образец окружения противника и уничтожения его по частям. К тому же Свечин, читая лекцию об этом эпизоде из Второй Пунической войны, выражал свой неумеренный восторг по поводу действий предводителя карфагенской конницы Гасдрубала, которая во многом определила исход сражения.

Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятками. Тем самым он развенчал кумира Свечина, и тот не смог удержаться от ядовитого замечания:

– Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то предмет сегодняшней лекции назывался бы «Разгром Ганибалла римлянами».

Василий Иванович вспылал:

– Мы уже доказали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Он имел в виду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочешскими и белоказацкими частями, Чапаев тогда предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск, взял город и тем самым не дал соединиться двум крупным вражеским группировкам. Эта операция была образцом руководства боевыми действиями. Но для маститого стратега Свечина Чапаев был неслыханным попранием классического военного искусства. Одним словом, скандал разыгрался по всем правилам...»

На лекциях и занятиях у Якова Александровича Слащёва было всё с точностью до наоборот. «Слащов говорил примерно так, – писал другой его ученик, будущий генерал Карго по лов: – «А помните бой под N? Тогда ваш батальон отошёл в беспорядке, с большими потерями. Произошло это потому, что вы не оценили и не учли то-то и то-то». Задетый этой оценкой, товарищ поднимался, просил слова и говорил: «А Вы помните бой под N, где мой полк разбил полк Вашей дивизии?» Далее следовало обстоятельное изложение боевых порядков сторон, их действий и причин поражений белых. Случалось, что продолжение спора переносилось на вечернее время в общежитие, куда являлся преподаватель».

«Диспуты эти были столь эмоциональны и захватывающи, – продолжает А. Хинштейн, – что смотреть на них ходили слушатели с разных курсов да и просто сторонние зрители. Проводились они и вне стен курсов. В апреле 1922 года, например, в аудитории военно-научного общества с большим успехом прошёл двусторонний доклад на тему «Оборона Крыма». Докладчиками выступали Слащов и его недавний противник, бывший начальник 46-й дивизии Юрий Саблин. Каждый из ораторов подробно, без сантиментов и кивков разбирал собственные и чужие ошибки.

Преподаватели курсов – все как один бывшие офицеры, многие служили когда-то под началом Слащова – частенько собирались у него дома. По обыкновению пили много, но никогда, даже под винными парами Слащов не позволял никаких крамольных речей, хотя – сомнений нет – удовлетворительным себя не чувствовал.

Оторванный от привычного общества, он ищет забвения в науке. В военных журналах регулярно появляются написанные им статьи...»

Яков Александрович все эти годы, прожитые в стране большевиков, мечтал получить строевую должность. Но, увы, надежды белого генерала так никогда и не осуществились. Д. Мельник очень точно подмечает: «Здесь, в общежитии при «Выстреле», пройдут последние годы Слащёва. Мало хорошего он увидел за эти годы: навязанную ему работу не любил, ежегодно исписывал горы бумаг с просьбами о строевой должности, после очередных обещаний каждый раз всерьёз готовился к отъезду».

Один из коллег Слащёва по курсам «Выстрел», бывший полковник Сергей Харламов, командовавший в Гражданскую войну красными армиями, расскажет впоследствии на допросах о Якове Александровиче:

«И сам Слащёв, и его жена очень много пили. Кроме того, он был морфинист или кокаинист. Пил он и в компании, пил и без компании.

Каждый, кто хотел выпить, знал, что надо идти к Слащёву, там ему дадут выпить. Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащёва. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраивают с политической целью: уж больно много водки там выпивалось.

Я бывал на квартире у Слащёва 2–3 раза не специально по приглашению на вечеринку, а или по делу, или по настойчивому приглашению зайти на минутку. И так как водку там пили чаще, чем обычно мы пьём чай, то бывала и водка.

Жена Слащёва принимала участие в драмкружке «Выстрела». Кружок ставил постановки. Участниками были и слушатели, и постоянный состав. Иногда после постановки часть этого драмкружка со слушателями-участниками отправлялась на квартиру Слащёва и там

пьянствовала. На такое спаивание слушателей командованием курсов было обращено внимание и запрещено было собираться со слушателями.

Что за разговоры велись там на политическую тему – сказать не могу. Знаю только, что часто критиковали меня как начальника отдела и кое-кого из преподавателей тактики... Ко мне Слащёв чувствовал некоторую неприязнь и иногда подпускал по моему адресу шпильки.

Последнее время при своей жизни он усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом. Помню, раз даже начал продавать свои вещи, говоря, что получает назначение начальником штаба Тощкого сбора. Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьёзно готовился к отъезду».

5

Передо мной лежат три так называемых УПК – учётно-послужные карточки на Слащёва Якова Александровича. Несколько минут назад их принесли из специального хранилища. Первая – служебная карточка за № 249775 – самая основная из трёх:

«Родился: 29 декабря 1885 г., в г. Ленинграде. Национальность – великоросс. Родной язык – русский. Какими другими языками владеет и в какой степени – не владеет. Социальное происхождение – из дворян. Профессия до поступления в РККА – бывший кадровый офицер. Основная профессия родителей: до Октябрьской революции – отца – военнослужащий. Семейное положение – женат. Жена и дочь. Партийность – беспартийный...

Образование: гражданское – реальное училище 1903 г. Военное: в старой армии:

Павловское военное училище 1905 г., Николаевская Академия Генерального штаба по 1 разряду. В РККА: не имеет.

Военно-служебный стаж. В старой армии: вступил на службу юнкером 31 августа 1903 года. Произведён в офицеры 22 июня 1905 года.

Последний чин, должность и часть: полковник, командир полка.

Служба в белых и иностранных армиях – был в армии Врангеля с 1917 по 1921 г.

Вступил на службу в РККА добровольно 1 августа 1922 г. Время пребывания в должности 4 года 6 месяцев. Высшая стрелковая школа.

Штатный преподаватель тактики.

Категория и состав: К-8.

Дата: 1/VIII-22 г.

Главное Управление РККА.

Состоящий в распоряжении. 1/XI – 28 г. РВС 28 г, № 706».

В заключение карточки имеется графа «аттестация». И вот что написано по этому поводу у Слащёва:

«По какой должности Штатный преподаватель тактики.

Окончательный вывод аттестации:

В 1925 году – «Должности преподавателя соответствует».

В 1927 году – «Соответствует занимаемой должности»».

И, наконец, последняя аттестация за 1928 год:

«По знаниям и опыту должности преподавателя может безусловно соответствовать, но работой этой тяготеет, не отдаёт ей всех сил и знаний, ведёт её небрежно. Поэтому желательно освободить от преподавательской работы и направить в части на штабную должность».

Вторая карточка за № 249776 называется учётной:

«Слащёв Яков Александрович. Пехота. ВУЗ. К-8. 13 р., приказ РВСР 1925 г. № 35 (разряд должностной со ссылкой на приказ, где объявлен, штат части)».

Эта карточка в некотором роде похожа на первую. Вот только в её записях есть некоторые расхождения и дополнения. Коснёмся именно их:

«Какими другими языками владеет – французским, немецким»;

«С какого времени состоит на службе в Р. К. К. А. – с 11 ноября 1921»;

«Служил ли в Белой армии – служил в армии Врангеля с 23/XII – 17 по 21/XI – 20 г.»;

«Участие в войнах: а) в 1914–1917 гг. Лейб-Гвардии Финл. Полк.

б) в гражданской нет»;

«Был ли ранен или контужен:

а) в 1914–17 г. а) 5 раз ранен.

б) в гражданской б) нет»;

«Окончательный вывод последней аттестации: не получен...»

г) Подлежит увольнению от службы, как бывший белый... (далее неразборчиво)»;
«Семейное положение – жена и тесть».

В третьей карточке за № 249777 значится:

«МВО. 1923 № папки 746. Стр.43. Род оружия: ГУВУЗ. КОМСОСТАВ.

Разр. 15 пр. РВСР № 2480 1922 г.

Фамилия: Слащёв. Имя: Яков. Отчество: Александрович».

В ней две новых записи:

«Участие в войнах: 1915–1920» и «Дети и пр. члены семьи, состоящие на иждивении:
дочь 7 лет».

6

Они уже собирались ложиться, когда Яков Александрович, чуть качнувшись, снова сел за стол.

– Ниночка, – он вопросительно посмотрел на жену, – давай ещё выпьем, так сказать, на коня?

– Да хватит тебе, Яша! Вставать же рано. Уж изволь идти в постель.

Слащёв грустно улыбнулся, наполнил гранёную рюмку на ножке до краёв и тут же её опрокинул.

– Как мне всё надоело, Нина! – он хотел повторить привычное движение, но жена убрала початую бутылку в буфет. – Ты не представляешь, как я устал. Устал морально. Ведь они не хотят отпускать меня в строй, вот и держат, как пса на цепи.

– Ничего, Яша, – супруга Слащёва присела рядом. – Ты, самое главное, не опускай руки. Пиши им чаще, напоминай о себе, может, кто-нибудь о тебе и вспомнит. А на нет и суда нет!

– Нет, Ниночка, больше обо мне никто и никогда не вспомнит. Я им больше не нужен. Терпят меня и точка. В последнее время мне часто снится море. То самое, ноябрьское море двадцатого года. В те дни я почему-то увидел его чёрным. Представляешь, холодное, солёное, необъятное, как всегда непостоянное, и вдруг чёрное! Помню, тогда я впервые ехал в купе второго класса как частное лицо. Кажется, это было 13–14 ноября. Никто уже не обращал на меня внимания, и я совершенно спокойно наблюдал трагическую картину бегства и разгул грабежа. Мне уже было абсолютно безразлично всё... Помнишь, как тебе – моей жене – отвели место на вспомогательном крейсере «Алмаз», который к моему приезду уже вышел в море. Для меня же места не было ни на одном из судов. И только на «Илью Муромца» меня взяли по личной инициативе морских офицеров, хорошо знавших меня. Туда же мне удалось поместить брошенные остатки моего лейб-гвардии Финляндского полка, к счастью, вместе с полковым знаменем. Мы вышли в море, и я очень долго смотрел на эту стихию. Я люблю стихию. А меня лишили этой стихии. Сначала там, в Константинополе. Теперь здесь, в Москве. Я провожу эту параллель неслучайно. Меня снова бросили, и для меня нет свободного места на судне. Осталось только море, на которое я могу смотреть бесконечно...

Слащёв смахнул рукой пьяную слезу и очень тихо, проглатывая остальные, стал читать стихотворение белого офицера Николая Туроверова «Крым»:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Глава вторая

Про «бег» Михаила Булгакова

1

В 1925 году русский советский писатель, драматург и театральные режиссёр Михаил Афанасьевич Булгаков совершил поездку в Крым. Целых три недели он гостил в Коктебеле у Максимилиана Волошина, который был одним из немногих, кто по достоинству оценил роман «Белая гвардия». После Коктебеля Булгаков побывал в Ялте и Севастополе. Свои южные впечатления великий писатель отразил в путевых заметках «Путешествие по Крыму». В них он, например, не без юмора описал, как купил книжку «Крым». Вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская очень хорошо запомнила этот казус:

«Мы купили путеводитель по Крыму д-ра Саркизова-Серазини. О Коктебеле было сказано, что природа там крайне бедная, унылая. Прогулки совершать некуда... Неприятность от пребывания в Коктебеле усугубляется ещё и тем, что здесь дуют постоянные ветра. Они действуют на психику угнетающе, и лица с неустойчивой нервной системой возвращаются после поездки в Коктебель ещё более с расстроенными нервами... Мы с М. А. посмеялись над беспристрастностью д-ра Саркизова-Серазини...»

«Дома при опостылевшем свете рабочей лампы, – пишет в путевых заметках Булгаков, – раскрыли мы книжечку и увидели на странице 370-й («Крым». Путеводитель. Под общей редакцией президиума Моск. Физио-Терапевтического Общества и т. д. Изд. «Земли и Фабрики») буквально о Коктебеле такое:

«Причиной отсутствия зелени является «крымский сирокко», который часто в конце июля и августа начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыщает мелкой пылью, до иступления доводит нервных больных... Бесперывный ветер, не прекращавшийся в течение 3-х недель, до иступления доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции, и больной чувствовал себя хуже, чем до приезда в Коктебель».

(В этом месте моя жена заплакала.)

«...Отсутствие воды – трагедия курорта, – читал я на стр. 370–371, – колодезная вода солёная, с резким запахом моря...»

– Перестань, детка, ты испортишь себе глаза...

«...К отрицательным сторонам Коктебеля приходится отнести отсутствие освещения, канализации, гостиниц, магазинов, неудобства сообщения, полное отсутствие медицинской помощи, отсутствие санитарного надзора и дороговизну жизни...»

– Довольно! – нервно сказала жена».

Кому как не Михаилу Булгакову было не знать, что воздух Крыма, его красочные картинки, приморские пляжи, разнообразная растительность, горные леса, превеликое множество памятников культуры дышат поэзией и вряд ли оставят любого литератора равнодушным. Не зря же Крым называют жемчужиной! Как пишет В. П. Дюличев в «Рассказах по истории Крыма», «С глубокой древности в Крыму перекрещивались сухопутные и морские дороги, причудливо переплетались пути многотысячелетней истории человечества. Здесь сталкивались интересы оседлого населения и кочевников, земледельцев и скотоводов, аборигенов и пришельцев. Благодаря исключительно благоприятным условиям Крымский полуостров всегда привлекал к себе человека, и неслучайно по количеству памятников он занимает одно из первых мест. На крымской земле они распространены повсеместно. На Южном берегу, в горах, в степном Крыму, Присивашье, на Керченском полуострове, на Тарханкуте».

Поездка писателя в Крым, судя по его заметкам, оказалась во всех случаях познавательной. Как известно, ворота в жемчужину открывает Джанкой – город, до сих пор славный своими вековыми традициями. Михаил Булгаков, проехав на поезде от Москвы до Джанкоя за тридцать часов, первым делом отправился его осмотреть:

«Юркий мальчишка, после того как я с размаху сел в джанкойскую грязь, стал чистить мне башмаки. На мой вопрос, сколько ему нужно заплатить, льстиво ответил:

– Сколько хотите.

А когда я ему дало 30 коп., завыл на весь Джанкой, что я его ограбил. Сбежались какие-то женщины, и одна из них сказала мальчишке:

– Ты же мерзавец. Тебе же гривенник следует с проезжего.

И мне:

– Дайте ему по морде, гражданин.

– Откуда вы узнали, что я проезжий? – ошеломленно улыбаясь, спросил я и дал мальчишке ещё 20 коп. (Он чёрный, как навозный жук, очень рассудительный, бойкий, лет 12, если попадёте в Джанкой, бойтесь его.)

Женщина вместо ответа посмотрела на носки моих башмаков. Я ахнул. Негодяй их вымазал чем-то, что не слезает до сих пор. Одним словом, башмаки стали похожи на глиняные горшки».

Следующая зарисовка – «В бухте – курорт Коктебель»:

«В нём замечательный пляж, один из лучших на крымской жемчужине: полоска песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней».

Здесь Булгаков пишет про людей, болеющих «каменной болезнью»:

«Приезжает человек, и если он умный – снимает штаны, вытряхивает из них московско-тульскую дорожную пыль, вешает в шкаф, надевает короткие трусики, и вот он на берегу.

Если не умный – остаётся в длинных брюках, лишаящих его ноги крымского воздуха, но всё-таки он на берегу, чёрт его возьми!

Солнце порою жжёт дико, ходит на берег волна с белыми венцами, и тело отходит, голова немного пьянеет после душных ущелий Москвы.

На закате новоприбывший является на дачу с чуть-чуть ошалевшими глазами и выгружает из кармана камни.

– Посмотрите-ка, что я нашёл!»

Про Ялту великий писатель говорит с явным восторгом:

«Но до чего же она хороша!

Ночью, близ самого рассвета, в черноте один дрожащий огонь превращается в два, в три огня – в семь, но уже не огней, а драгоценных камней... (...)

Наутро Ялта встала, умытая дождём. На набережной суется больше, чем на Тверской: магазинчики налеплены один рядом с другим, всё это настезь, всё громоздится и кричит, завалено татарскими тюбетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельём, футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Всё в тридорога, всё «по-курортному» и на всё спрос. Мимо блестящих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, жёлтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках».

А вот перед Булгаковым и знаменитая Ливадия:

«... в Ялте вечер. Иду всё выше, выше по укатанным узким улицам и смотрю. И с каждым шагом вверх всё больше разворачивается море, и на нём, как игрушка с косым парусом, застыла шлюпка. Ялта позади с резными белыми домами, с остроконечными кипарисами. Всё больше зелени кругом. Здесь дачи по дороге в Ливадию уже целиком прячутся в зелёной стене, выглядывают то крышей, то белыми балконами. Когда спадает жара, по укатанному шоссе я попадаю в парки. Они громадны, чисты, полны очарования.

Море теперь далеко, у ног внизу, совершенно синее, ровное, как в чашу налито, а на краю чаши, далеко, – лежит туман.

Здесь, среди вылощенных аллей, среди дорожек, проходящих между стен розовых цветников, приютился раскидистый и низкий, шоколадно-штучный дворец Александра III, а выше него, недалеко, на громадной площадке белый дворец Николая II».

В Москву Булгаков уезжал «вечером из усеянного звёздами Севастополя, в тёплый и ароматный вечер, с тоскою и сожалением»!

И, кто знает, случайно ли, но в следующем году – 1926-м, Михаил Афанасьевич начал работу над театральной пьесой «Бег». Она состоит из восьми снов, три из которых происходят в том самом Крыму. Сон второй – в начале ноября 1920 года «где-то в Крыму». Сон третий и сон четвёртый – в начале ноября в Севастополе. Случайно ли?

2

Михаил Александрович родился 3(15) мая 1891 года в большой семье доцента (позже профессора) духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова в Киеве. В 1909 году выпускник киевской гимназии Миша Булгаков поступил на медицинский факультет Киевского университета, а в 1916 году Михаилу Булгакову вручили диплом об утверждении «в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными».

В годы Первой мировой войны будущий великий писатель несколько месяцев работал врачом в прифронтовой зоне. Его направляли на работу в село Никольское Смоленской губернии, а затем в Вязьму. В феврале 19-го (в период Гражданской войны) Булгакова мобилизовали как военного врача в армию Украинской Народной Республики. Успел он поработать и врачом Красного Креста, и врачом в Красной армии. А осенью 19-го, в ходе уличных боёв, Михаил Афанасьевич перешёл на сторону Вооружённых сил Юга России и был назначен военным врачом 3-го Терского казачьего полка, в составе которого принимал участие в боевых действиях на Северном Кавказе. В начале 1920 года во время отступления Добровольческой армии Булгаков заболел тифом и по воле судьбы, из-за этой страшной болезни, не смог уйти в Грузию, оставшись во Владикавказе.

С сентября 1921 года Михаил Афанасьевич живёт в Москве и начинает свою литературную деятельность прежде всего как фельетонист в газетах «Гудок» и «Рабочий». Печатаются в журналах «Медицинский работник», «Россия» и «Возрождение». Например, с 1922 по 1926 год только в «Гудке» им было опубликовано более 120 репортажей, очерков и фельетонов. Отдельные произведения Булгакова появляются в берлинской газете «Накануне». Уже в 1923 году М. Булгаков вступил в Союз писателей. В 1924 году издают его роман «Белая гвардия», а в 1926-м во МХАТе с огромным успехом прошла его пьеса «Дни Турбиных», которая понравилась самому Иосифу Сталину. В конце года в Театре им. Вахтангова с не меньшим успехом прошла следующая пьеса – «Зойкина квартира». И вот Михаил Афанасьевич приступает к работе над пьесой «Бег».

«Пьеса «Бег», по замыслу автора, должна была продолжить тему романа «Белая гвардия»: инсценировка этого романа – пьеса «Дни Турбинных» – была допущена к постановке во МХАТе по личному распоряжению Сталина и выдержала более тысячи представлений, – рассказывает С. Гаврилов. – Генерал-лейтенант вооружённых сил юга России Яков Александрович Слащёв – прототип главного героя пьесы Романа Валерьяновича Хлудова – неоднозначная фигура белого движения. (...)

Михаил Булгаков тщательно изучил биографию своего героя... противоречивые, часто немотивированные поступки Слащёва озадачили Булгакова. В первой редакции пьесы «Бег» драматург создал портрет Хлудова, в характере которого звучали истеричные проявления «загнанного в угол человека». Что-то было не так. Писательская интуиция и пронизательность заставили Михаила Афанасьевича отказаться от подобной трактовки образа. Он ещё раз перечитал мемуары генерала и задумался. В биографии Якова Слащёва оставалось единственное тёмное пятно – двухмесячный период пребывания в Николаеве, Вознесенске и Новом Буге...

Уроженец Киева Михаил Булгаков даже проездом не бывал в Николаеве. Здесь у него не было ни друзей, ни знакомых, ни сослуживцев. Драматург нуждался в помощи постороннего человека, который мог бы приехать в город и расспросить очевидцев о деятельности администрации генерала Слащёва в конце 1919 – начале 1920 годов.

Этот человек нашёлся. Елена Александровна Митруль – 2-й редактор газеты «Киевский рабочий» и дальняя родственница писателя (вдова двоюродного брата Константина) – сама предложила Булгакову услуги. Она согласилась съездить в Николаев, чтобы найти людей, пере-

живших деникинскую оккупацию, и переговорить с ними. Это журналистское расследование представлено в письмах, которые долгое время хранились в Булгаковском фонде библиотеки им. Ленина и были опубликованы издательством «Советский писатель» в 1989 году».

3

21 апреля 1929 года. Е. А. Митруль – М. А. Булгакову:

«...В ноябре 1919-го начальник временной администрации Николаева от генерал-майора Слащёва полковник Бриссель издал три приказа населению: первый о добровольной сдаче холодного и огнестрельного оружия; второй – об обязательной работе торговых лавок, магазинов, театра, школ и библиотек; третий – о введении комендантского часа для гражданских лиц с 21.00 до 05.00. Всех празднующихся примерно наказывать, вплоть до расстрела.

...Комендант Бриссель в связи с военным положением отменил гражданское и уголовное судопроизводство. Всех воров, карманников, грабителей и мародёров судил военный трибунал. В ноябре на рыночной площади в Николаеве публично повесили 14 человек, среди которых 6 деникинцев (2 офицера и 4 нижних чина), остальные – из числа ночных грабителей.

...В середине ноября для устрашения населения расстреляны в Адмиралтействе более 50 подстрекателей к беспорядкам и поджигателей. Среди них было много невинных заложников.

...В последнюю неделю месяца объявлена мобилизация в армию. Все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет должны были явиться в комендатуру для получения продовольственного пайка и амуниции. 30 ноября была устроена показательная казнь 8 дезертиров на Магистратской площади.

(Записано со слов бывшего члена попечительского совета Александровской гимназии А. Н. Дробышева)».

2 мая 1929 г. М. А. Булгаков – Е. А. Митруль:

«...Огромное спасибо за ценные свидетельства, о коих мне ничего известно не было. Хорошо бы послушать людей, лично встретивших и говоривших с нашим persone. Какое впечатление он производил на посторонних, не было ли чего необычного в поведении и речи? Многие считают интересующего нас человека морфинистом. Был ли он таковым? Впрочем, если эти вопросы останутся без ответа, я всё равно перед тобой в неоплатном долгу».

14 мая 1929 года. Е. А. Митруль – М. А. Булгакову:

«...Миша, радуйся! Удалось тихонько побеседовать с двумя людьми, которые встречались с нашим *vis-à-vis* и были с ним на «короткой ноге». Мои собеседники боятся всего, и потому я пообещала им подлинную конфиденциальность.

Они входили в состав депутации от городской Думы, которая обратилась к Нему лично с просьбой «заклЮчить гражданскую жизнь города в надлежащее русло». Это было сделано очень быстро. В Николаеве везде появились патрули, которые сделали жизнь людей безопасной. Прекратились ночные погромы и грабежи, открылось временное отделение Русско-азиатского банка. Многим вернули конфискованные дома и квартиры. Из общих впечатлений моим собеседникам запомнилась массовая принудительная мобилизация в армию. Прямо под Новый год забрали всех мужчин для службы в специальном ополченческом батальоне. Некоторые пытались спрятаться, их ловили и расстреливали. Одного стряпчего нотариальной конторы – отца двоих детей – застрелили как дезертира на глазах всей семьи прямо во дворе его дома.

Комендант города распорядился поставить часовых у входа в городской аквариум и выделить средства на содержание зверей и птиц...

Интересующую вас личность описывают примерно так: худой, высокий и темноволосый человек. Тонкие черты лица, говорит тихо и без эмоций. Команды «расстрелять» и «подавать ужин» отдаются в одной эмоциональной тональности. Внешне бесстрастен, подчиняет этические понятия «справедливость», «добро» и «честность» сиюминутной военной целесообразности».

4

Как вспоминала вторая жена Булгакова – Любовь Евгеньевна Белозерская, пьеса «Бег» была написана на большом подъёме, «которую совершенно произвольно наши литературоведы называют продолжением «Дней Турбинных». Сам Михаил Афанасьевич никогда не рассматривал её как продолжение «Дней Турбинных». Хотя пьеса была посвящена основным исполнителям «Турбинных» и ему мечталось увидеть их на сцене в «Беге», всё же драматургическое звучание этой вещи иное, камертон дан на иной отправной ноте. Хватка драматурга окрепла, диапазон расширился, и его изобразительная палитра расцвела новыми красками. В «Днях Турбинных» показано начало белого движения, в «Беге» – конец. Таким образом, вторая пьеса продолжает первую только во времени. Впрочем, в мою задачу не входит полемика с теми, кто думает иначе. «Бег» – моя любимая пьеса, и я считаю её пьесой необыкновенной силы, самой значительной и интересной из всех драматургических произведений писателя Булгакова.

К сожалению, я сейчас не вспомню, какими военными источниками, кроме воспоминаний генерала Слащёва (*Слащёв А. Я.* Крым в 1920 году. Отрывки из воспоминаний с предисловием Д. Фурманова, М. – Л.: Госполитиздат, 1924), пользовался М. А., работая над «Бегом». Помню, что на одной карте были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населённые пункты.

Карту мы раскладывали и, сверяя её с текстом книги, прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи...»

«Чтобы надышаться атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, М. А. просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения.

Крики, суета, интернациональная толпа большого восточного города показаны им выразительно и правдиво (напомню, что Константинополь в то время был в ведении представителей Франции, Англии, Италии. Внутренний порядок охраняла международная полиция. Султан номинально ещё существовал, но по ту сторону Босфора, на азиатском берегу, уже постреливал Кемаль).

Что касается «тараканьих бегов», то они с необыкновенным булгаковским блеском и фантазией родились из рассказа Аркадия Аверченко «Константинопольский зверинец», где автор делится своими константинопольскими впечатлениями тех лет. На самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало. Это лишь горькая гипербола и символ – вот, мол, ничего иного эмигрантам не остаётся, кроме тараканьих бегов».

К слову сказать, книга Слащёва «Крым в 1920 г.» при написании «Бега» была настольной. Сам же Михаил Афанасьевич одно время даже жил напротив дома четы Слащёвых. В феврале – марте 1922 года он заведовал издательской частью в Военно-редакционном совете Научно-технического комитета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Именно там у него были хорошие возможности для консультаций с военными специалистами из бывших офицеров. И ещё. По утверждению Ярослава Тинченко, Булгаков «пару раз заходил на спектакли драмкружка «Выстрел»».

Кроме мемуаров Слащёва, вне всяких сомнений, великий писатель пользовался и другими источниками. Например, в «Энциклопедии Булгакова» предположительно указывается, что «к 1933 г. Булгаков, возможно, уже ознакомился с воспоминаниями П. Н. Врангеля, вышедшими в 1928–1929 гг. в берлинском альманахе «Белое дело». Там Я. А. Слащёв харак-

теризовался крайне негативно, с подчёркиванием болезненных элементов его сознания, хотя военный талант генерала не ставился под сомнение».

Там же можно прочесть и том, кто был явным предшественником Хлудова в булгаковском творчестве:

«Безымянный белый генерал из рассказа «Красная корона» (1922). К нему по ночам приходит призрак повешенного в Бердянске рабочего (возможно, этого казнённого Булгакову довелось видеть самому). Трудно сказать, насколько в образе генерала из «Красной короны» мог отразиться прототип Хлудова Я. А. Слащёв. Он к тому времени не успел ещё выпустить мемуары «Крым в 1920 г.», но уже вернулся в Советскую Россию, чему в 1921 г. газеты уделили немало внимания. Слащёв ещё в Константинополе издал книгу «Требую суда общества и гласности» о своей деятельности в Крыму. С этой книгой автор Б(ега) вполне мог быть знаком. Прочитываемые здесь грозные слащёвские приказы могли повлиять на образ генерала-вешателя из «Красной короны».

Р. В. Хлудов выступает непосредственным предшественником Понтия Пилата в «Мастере и Маргарите». Этот роман был начат Булгаковым в 1929 г., сразу по окончании первой редакции пьесы, а задуман параллельно с ней – в 1928 г. В Б(ега) главный упор сделан не на анализ уроков гражданской войны самих по себе, а на философское осмысление цены крови вообще, казни невинных во имя идеи – и морального наказания (в виде мук совести) за это преступление. По цензурным соображениям в Б(ега) речь идёт о белой идее, и именно как её носителя Чарнота обвиняет Хлудова в своей незавидной эмигрантской судьбе. Однако с тем же успехом образ Хлудова можно спроецировать на любую другую, коммунистическую или даже христианскую, во имя которых в истории тоже были пролиты реки невинной крови (о христианской идее и пролитой за неё крови позднее в «Мастере и Маргарите» будут говорить Левий Матвей и Понтий Пилат). Отметим, что финал с самоубийством Хлудова смотрится в свете этого достаточно искусственно. Ведь в тексте остались слова главного героя о том, что он решил вернуться в Россию, пройти под «фонариками», причём в результате «тает моё бремя», и генерала отпускает призрак повешенного Крапилина. Раскаяние и готовность ответить за преступление перед людьми, даже ценой возможной казни, по Булгакову, приносит искупление и прощение. Понтий Пилат лишён возможности предстать перед иным судом, кроме суда своей совести, за казнённого Иешуа Га-Ноцри, который может осудить своих палачей лишь на страдание нечистой совести, но не на земное наказание. Поэтому в финале «Мастера и Маргариты» не вполне ясно, совершил ли прокуратор Иудеи самоубийство, бросившись в горную пропасть, или просто обречён после смерти в месте своей ссылки на муки совести за трусость, приведшую к казни невинного. При этом Понтию Пилату Булгаков всё же дарует прощение устами Мастера. Не исключено, что именно в связи с развитием образа Пилата в 1937 г. писатель так и не выбрал между двумя вариантами финала Б(ега) – с самоубийством или с возвращением Хлудова, который уже рассматривался как некий двойник прокуратора Иудеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.